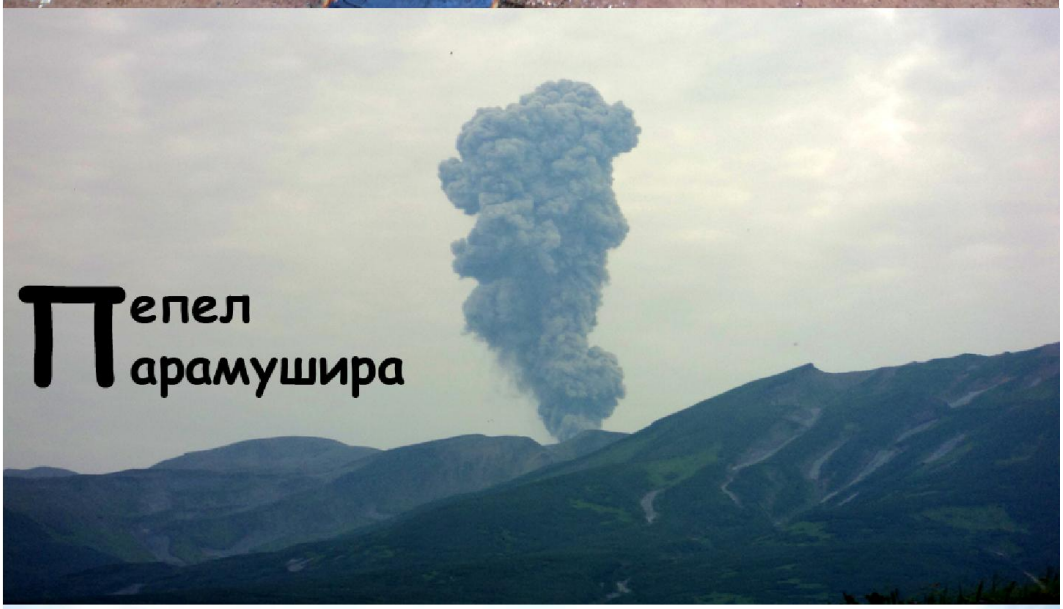
Пепел Парамушира, озёра Онекотана, кипяток Камчатки

июль – август 2018

И. Дадыкин с дополнениями П. Волковой, Н. Тихомирова, М. Ивановой



Фотографии Н. Тихомирова, И. Дадыкина. Оформление П. Волковой.

Часть 1. Улитка на склоне

Живем, как на вулкане.

Гавайская поговорка

25 – 26 июля

Как всегда перед поездкой, я нервничаю, а на этот раз – еще сильнее. В самолетах я летаю редко, к тому же меня напрягает разлука с багажом. Лететь в Петропавловск 9 часов + 9 часов временной разницы. Да, если не выспаться, то будешь чувствовать себя, как овощ.

Лечу в центральной части самолета с пожилой дамой и ее внуком. Они, как выясняется, с Камчатки, но меня приняли за земляка. Узнав об ошибке, просвещают меня по стандартной программе: природа, рыба, медведи.

Зверский кондиционер, но дармовые пледы спасают. Дремлю в холодке до первой кормежки. Приносят небольшой судок, где что-то лежит. В полумраке я это что-то принял за картофельное пюре – а это, оказывается, была рыба. Попытки ее перемешать ни к чему не привели. Перекусив, засыпаю чуть крепче.

Кормят второй раз тем же самым. Теперь спится плохо, все время кто-то ходит. Особенно раздражает болезненно-пухлая смугловатая девочка, которая, топая тапками, носит туда-сюда воду в стаканчиках.

Прибываем в Петропавловск. Сразу за летным полем высятся подснеженные сопки – Авачинская и Корякская. Комната приема багажа крохотная, крыта плексигласом и похожа на сельский рынок. Приходится минут сорок ждать, пока выплывет на ленту мой рюкзак. На остановке пристают какие-то цыганки, трясут с приезжих мелочь. Я, раздраженный ночью в самолете и тревожимый недобрыми предчувствиями по поводу автобуса, злобно от них отбиваюсь.

К счастью, все, кого ни спроси, рады подсказать дорогу. Качусь к остановке «Аллея Флота» без приключений. Гляжу в окошки. Петропавловск привольно раскинулся, обнимая улицами сопочки, покрытые лесом. Из тех городов, где я был, похоже на Сочи, но инфраструктура попроще. Улиц мало и они очень длинные, за домами сразу начинается лес. Неудивительно, что у них тут сплошные медведи.

На остановке меня ждут Полина, Чумичка и Петрович в компании коробок в черных пакетах. Контрольная закупка, видимо, уже произошла. Идем на пристань к теплоходу «Гипанис».

Узнаем, что пароход только собирается в *предыдущий* рейс. Полина говорит, это дело обычное. Таким, образом, у нас образовались два свободных дня, которые можно потратить на прогулку куда-нибудь в окрестности Петропавловска. На ворчащем и вообще неудовлетворенном жизнью таксисте приезжаем к Сухой речке – отсюда начинается дорога на Авачинскую сопку. Идти от шоссе 15 км, но где-то через час ходьбы нас подбирает один из попутных внедорожников. Те двое, что в нем едут, сопровождают туристов на турбазу у подножия сопки. Кстати, машины здесь все сплошь праворульные – это при леворульном-то движении! Может быть, завозят из Японии?

Нас выгружают метрах в 200 от турбазы, и мы разбиваем лагерь у ольховых зарослей.

27 июля

Первый полный день на Камчатке. С погодой полная везуха – видно и город Елизово, мигающий огнями слева, и вершины сопок, присыпанные снегом. Корякская сопка сразу напоминает бывалому толкинисту Одинокую гору (киноману она напомнила бы *Paramountain Pictures*). Поход на нее – уже

категорийное восхождение, просто так не заберешься. Авачинская сопка, популярнейшая у туристов, покруглее, с обрубленным на вершине правильным пепловым конусом.

Корякская сопка напоминает бывалому толкиенисту Одинокую гору

Хотя довольно тепло, повсюду вокруг в каждом распадке лежит снег; видимо, сказывается высокая влажность воздуха. Полностью снежники не тают никогда. Нам предстоит забраться на 2741 м – такова высота Авачинской сопки.

Мы расположились под самой турбазой, откуда уже с самого утра выползают туристы, деловито строятся и отправляются восходить. Похоже, сегодня на сопке будет людно. Мы легко обгоняем попутные группы, несмотря на их палки и солнечные очки. Взбираемся по сложенным вулканическим пеплом и базальтами отрогам.

Виды открываются один другого краше. Очень хочется все-все заснять, но разум подсказывает беречь зарядку, ведь впереди еще целый месяц. Симпатичные тундровые пустоши, поросшие местными видами знакомых мне по Белому морю растений. Тут и там возвышаются выветренные экструзии. Одна, расположенная близ перевала между Корякской и Авачинской сопками, за экставагантную форму носит название Верблюд. На нее мы смотрим уже сверху.

Лишайники и растущие кочками тундровые растения кончаются, сменяясь безжизненной лавовой пустошью. Здесь все, как керамзитом, посыпано кусочками туфа. Тропа ближе к конусу приобретает вид ручьевого русла; керамзит сыплется все сильнее, идти становится трудно. Склон усеян туристами, вдобавок начинает задувать ветер. В общем, становится все интереснее. Но вот, наконец, и кратер.

Прямо по центру простирается изрубленная трещинами черная лавовая пробка. Фумаролы фумаролят, как бешеные, аж ногам тепло. Слева возвышаются холмы из красной пемзы, справа –

из сероватой лавы, покрытой серной накипью. Вид чудесный во все стороны: вот, как на ладони, Авачинская бухта и Вилючинская сопка, вот Петропавловск и Елизово. Корякская сопка по-прежнему чудесна; из-за нее показался вулкан Ааг. На юго-западе множество гор, отделенных от Корякской сопки лавовым полем. Черный фон пересечен снежными пятнами и полосами. На востоке светлой полосой Халатырского пляжа отгородился Тихий океан.

Чудесный вид с Авачинского вулкана: как на ладони, Авачинская бухта и Вилючинская сопка

Перекусываем в долинке с фумаролами, куда почти нет доступа ветру. Почва здесь горячая и отчетливо пахнет сероводородом. Спускаемся обратно; добравшиеся до вершины туристы радостно орут. Над Корякской сопкой зависло тройное облачко, похожее на корейскую шапку.

Спускаемся по снежнику к Верблюду. Чумичка и Петрович пытаются использовать химзы как ледянки; вид у них, впрочем, скорее разочарованный. У подножия Верблюда встречаем Томоко Фукуда, японскую коллегу Полины, специалиста по камнеломке. Работает японка зрелищно: два фотоаппарата на штативах бесперебойно снимают два кустика камнеломки, уж не знаю, зачем. Томоко говорит по-русски со смешным акцентом, но довольно свободно; она здорово удивлена встрече.

Возвращаемся в лагерь как раз вовремя: обе ближайшие вершины уже закрыты облаками, начинает накрапывать дождь. Вешаем миниатюрный тент, забираемся в палатку – тут ливень занимается всерьез. Полина говорит – дело обычное. Я не удивлен: не зря же для Камчатки указана норма в 2000 с лишним мм осадков в год.

На ужин мешанина из пюре, макарон, роллтонов и тушенки. Грузинское блюдо *жричедали*.

28 июля

Погода вновь отменная. После сбора лагеря отправляемся в обратный путь вдоль Сухой речки. Идем около 3 км, затем нас подбирает словоохотливая местная жительница на легковушке. Несмотря на низкую подвеску, водит она здорово – из окон встречных джипов и вахтовок нас встречают недоверчивые взгляды. В пути удалось дозвониться до «Гипаниса» – он уходит на Парамушир как раз сегодня вечером!

Любезная водительница засыпает нас информацией обо всем, в том числе о вулканах. Ее муж, оказывается, вулканолог, сама она – филолог-русист. За разговорами мы доезжаем до Петропавловска, а там своим ходом добираемся до Аллеи Флота. Мы с Петровичем наведываемся

в ТИГ (Тихоокеанский институт географии) и оставляем там балласт. Потом все вместе отправляемся гулять, попутно перекусив товарами с ярмарки камчатских производителей. Ярмарка расположена на первом этаже здания, на втором же – краевая художественная галерея. Очевидно, таким образом местные жители сочетают пищу телесную с духовной.

Петровича посещает идея – сходить в новый музей-вулканариум. Однако плата за вход чересчур горяча даже для студентов, тем более что студбилетов на руках у нас нет. Только Петрович отваживается заплатить, мы ждем его на ступеньках. Возвращается он просветленным: для него провели индивидуальную подробную экскурсию.

Гуляя по Петропавловску, забираемся в какие-то дебри на склоне сопки. Растительность в городе похожа на московскую, только виды местные.

Пытаемся попасть в краеведческий музей, но приходим за 5 минут до закрытия. Прогулка на Никольскую сопку также не слишком продуктивна – с одной стороны стройка, с другой – воензона. В море в две линии выстроены корабли, в том числе подлодка; готовятся к завтрашнему дню ВМФ.

Заходим в магазин за продуктами на Парамушир, съедаем по корейскому мороженому – оно сливочное, но не сладкое, с привкусом манго. Потом ждем в здании морского вокзала наш теплоход «Гипанис». Вокзал большой и оборудован по последней моде, но, поскольку кроме «Гипаниса» тут ничего регулярно не ходит, практически пуст, что делает его похожим на дворец бракосочетаний.

Дождались. Садимся в теплоход. Каюта четырехместная в трюме. Полина в эйфории от того, что мы попали на борт так легко.

Часть 2. Обитаемый остров

Разрушенная пристань, разбитые фонари.
Никто не скажет «Здравствуй!», никто не скажет «Умри!»
Океан пустоты, и только стремный корабль,
Который отдает концы, отдает концы.

Крематорий

29 июля

Ночь на корабле пролетела быстро. Из-за качки лежащего на матрасе то мягко вжимает в него, то мягко же выталкивает. Каюта в трюме похожа на бункер или склеп – погасишь свет, и настанет вечная ночь.

Сам корабль интерьером напоминает подводную лодку: узкие коридоры, высокие пороги, очень крутые лестницы. На то, чтобы научиться безошибочно приходить в каюту, в столовую и на палубу, у меня уходит полдня. Множество помещений задраено от пассажиров. Нельзя пользоваться душем или пройти на нос корабля. По сути, в распоряжении непосвященного лишь половина кормовой части палубы, причем на самой корме пристрахованы стропами два внедорожника и стоят какие-то бочки. Впрочем, большинство пассажиров вообще на палубу носа не кажут – сидят, конопатятся в каютах.

После завтрака, где были только мы, я усаживаюсь на палубе, на свежем воздухе. Погода восхитительная, за бортом в чинном порядке проплывают вулканы и береговые обрывы. В общем, медитация, да и только. Чумичка и Петрович впали в летаргию в каюте. Полина сидит на палубе рядом со мной, глядит на панораму. Вокруг корабля вьются поморники; они без всякого страха скользят на бреющем всего в 30 см от воды. Кажется, будто они вот-вот врубятся в набегающую волну.

За бортом в чинном порядке проплывают вулканы (на траверсе острова Уташуд)

Обедаем в каюте творожной массой, ламинарией и восхитительной икрой минтая. Я возвращаюсь на палубу, но Курилы уже дают о себе знать – сгущается туман, ветер подымает на волнах пенные гребни. В течение следующих двух часов проходим мыс Лопатка. На горизонте сквозь туман проступают накладывающиеся друг на друга Шумшу, Алаид и Парамушир. Чумичка и Петрович, до того сидевшие в своем трюмном склепе, по одному выползают к нам с Полиной.

Минуем остров Шумшу – совсем плоский по сравнению с прочими Курилами. Заходим в первый Курильский пролив и швартуемся в Северо-Курильске (местные зовут его Сев-Кур). От Шумшу до Парамушира просто рукой подать, хотя в туман наверняка не видно.

Сев-Кур – небольшой поселок с щебенчатыми улицами. Тем не менее, здесь есть все признаки цивилизации: церковь, автобусные остановки, коттеджи, малоэтажки, магазины, работающие до 23:00, и даже собственная неоконченная стройка. Короче, полная чаша.

Будущее неясно. Неясен и горизонт Парамушира: с гор наползают клочковатые облака. Мы перебредаем через ручей Матросский (местные водители его лихо переплывают – воды по зеркала). Дойдя по берегу до устья реки Птичья-Наседкина, разбиваем лагерь. На берегу валяется плавник – выбеленные прибоем древесные скелеты.

Над морем встает ярко-оранжевая луна.

30 июля

Утро выдалось ясным – ительменские духи по-прежнему нам благоволят. Сворачиваем лагерь, переправляемся по мосту, расположенному чуть выше по течению. Пройдя с полчаса на юг до урочища Утесное, снимаем рюкзаки и направляемся к первому озеру. Пробираемся сквозь заросли шеломайника, достигающие порой трех метров в высоту. Под сенью широких листьев влажно и душно, сверху сыплются белые лепестки, летают какие-то мелкие двукрылые. Озеро оказывается неглубоким, с илисто-песчаным дном и твердыми берегами. Водная гладь усеяна плавающими листьями рдеста и соплодиями ежеголовника, дно густо поросло полушником.

От озера движемся по грунтовой дороге более-менее по берегу моря. Справа начинаются скалы, сложенные странными породами – будучи магматического происхождения, они больше всего напоминают брекчии. Время от времени мы минуем небольшие водопады. Наконец, слева открывается песчано-галечный пляж, справа же нависает практически отвесная периклинально слоистая стена. Утес тянется примерно 400 м. У мыса Озерный дорога поворачивает вглубь острова; в этот момент мы замечаем на пляже тюленей – на достаточном удалении от нас расположились шоколадно-коричневые гибкие туши, издающие резкое ворчание. В этом месте пляж усеян валунами, отчего тюлени не очень-то выделяются на общем фоне. В изобилии встречаются морские блюдца и двустворки, просверленные натиками; забавные амфиподы, прыгающие не боком, а на брюхе.

Песчаный пляж и слоистая стена

Обедаем по другую сторону всхолмья, у небольшого озерка. Здесь же купаемся – вода прохладная, очень приятно.

После обеда идем обследовать озерки на северо-востоке. Местами приходится пробираться сквозь смолистый и цепкий кедровый стланик. Это тем более неприятно, что под переплетением ветвей то

и дело открываются глубокие каверны. Русло пересеченного нами ручья представляет собой похожее на окоп углубление. Берега густо обросли шеломайником. Полина то и дело свистит, отгоняя вероятных медведей.

Сгущается туман. Ставим лагерь на том месте, где обедали.

31 июля

Утро. По-прежнему туман, видимость меньше 60 м. В нашей палатке тоже влажно – похоже, ночью мы дышали, как паровозы. Собрав лагерь, уходим на юг, осматривая встреченные озерки. Ничего нового. Около 10 утра начинает моросить, но недолго – часа через два уже заметно проясняется. Мы идем по песчаному пляжу, усеянному обломками крупных двустворок и раковинами улиток. Чумичка находит плоского морского ежа из тех, что в американском простонародье зовут *sand dollars.* Здорово! Не знал, что они тут водятся.

Снова дождь. По дороге мы подходим к тепляку (так на Северных Курилах называют домики в тундре) в устье реки Северянка – здесь можно оставить большие рюкзаки, чтобы не мокли. До обеда успеваем найти два вида пузырчатки, новый рдест с плавающими листьями и жалкий кусочек водного лютика. Перекусив, ломимся через стланик вдоль береговой линии. Погоду уже смело можно назвать отличной: сквозь пронизанную светом воду видны изобильные плавунцы и тритоны. Одно озеро окружено стлаником со всех сторон – путь превращается в небольшой акробатический рекорд.

Возвращаемся в приподнятом настроении. На береговой дороге, которая, по рассказам местных, недавно была проложена через м. Левашова аж до урочища Рифовое, находим камнеломку, одну из тех двух, которыми занимается Томоко Фукуда. Мы же с Петровичем находим по песчаному доллару. Один вопрос: как сохранить его, чтобы не перетерся в рюкзаке?

Ночуем в найденном днем тепляке.

1 августа

Тепляк не подкачал – в нем широкие нары, на которые влезет человек шесть, стол, печка, большой запас дров. Чувствуется присутствие крепкой хозяйской руки. Труба домика необычной формы: к Т-образному основанию с двух сторон Т-образно же приварены два коротких обрезка. Видимо, чтобы ветер не задувал и дождь не заливался.

Позавтракав, направляем стопы обратно к Сев-Куру. Туман. Без проблем переходим Птичью-Наседкину и Матросский ручей. Поселок обходим со стороны моря; Петрович отправляется за продуктами, мы тем временем смотрим два озерка в окрестностях поселка. Обедаем на обочине дороги хлебом и килькой. И дорога, и ольховник, и осока – все в мерзко-серой пыли. После долгих дискуссий приходим к выводу, что это не дорожная пыль, а вулканический пепел.

Наш путь лежит в северную часть Парамушира, в бухту Квадратная. На окраине Сев-Кура на каком-то бетонном остове сидит стая черных ворон; две переговариваются – у одной голос истерично-высокий, другая, напротив, басит. Жанровая сценка.

Начинается пляж, подобный тем, что мы видели южнее Северо-Курильска, но состав выброшенной волнами фауны тут иной. Нет крупных двустворок и мий, зато много гребешков и мидий. Слева от нас на карте отмечены два грота; впрочем, их не видно – может быть, дело в клочьях тумана. Зато хорошо заметны приводящие Петровича в восторг столбчатые отдельности.

Проясняется. Нас подбирает попутный грузовик, везущий металлические балки. Полина двумя скупыми жестами объясняется с мужиками. Можно ехать! Весело мчим на север; колымага довозит нас аж до мыса Савушкина, где расположен рыбоводческий комбинат.

Прекрасная погода. Обозрев бухту Квадратная, Полина приходит к выводу, что для нашего лагеря здесь не место. Устраиваемся метрах в 300 от бухты, за прибрежными сопочками. Рядом с нами расположены заросшие шикшей и ольхой японские окопы и брустверы. На недальнем холме бетонно сереет прикрытый шапочкой зелени дот. Место для лагеря выбрано удачно – от ветра нас защищает полоса стланика. С другой стороны пролегает канава с водой.

Наше внимание привлекает столб пепла над вулканом Эбеко (см. фото на первой странице). Прямо у нас на глазах серое облако растет и расплывается кляксой, затем его разносит, раздергивает ветром. Видимо, дело здесь обычное – до конца дня видим еще два пепловых извержения; все поле покрыто серым налетом.

Мы с Петровичем отправляемся в дровяной рейд в бухту Квадратная. При разделке дров здорово пригождается пила-цепочка, подаренная мне Полиной на день рождения. Подарок с намеком!

2 августа

Ночью льет, с утра тоже накрапывает. Но, пока мы завтракаем, погода понемногу утихомиривается. Петрович остается следить за лагерем, а мы отправляемся в сторону мыса Землепроходец – это крайняя северная точка острова. Движемся по наезженной квадроциклами грунтовке; дорога, сперва пролегавшая по ровному пространству, сползает в распадки между холмами. В одном месте в склоне холма чернеет прямоугольная дыра, обрамленная бетоном – это японский дот.

Миновав бухту Кашалот, выходим к одиноко стоящему на краю обрыва тепляку. Этот в плачевном состоянии: доски гнилые, крыша течет. От тепляка спускаемся по тропе на пляж и, пройдя несколько метров, натыкаемся на кусок китового (наверное) позвоночника. Хребет явно успело поносить волнами: все остистые отростки стесаны начисто. Идем около часа по берегу моря, при этом пересекаем довольно бурную речку Зеленая.

Совсем прояснело, открылись прелестные виды. Вот северная оконечность мыса Землепроходец; слева виден конус Алаида с нанизанными на него облаками. Пройдя еще немного, подымаемся на приморскую террасу. Склон крутой, высотой около 30 м. Выходим на цветущий луг. Однако, чтобы пройти к первому озеру, приходится миновать полосу стланика.

Гора Землепроходец

Вскоре в моем уме формируется рейтинг проходимости растительного покрова. Самый легкий вариант – травяные лужки. Это трава «без развода»; трава «с разводом» отличается наличием подстилающего ковра рябины или шиповника, в котором вязнут ноги. Дальше следует шеломайник: идти в нем душно и влажно, а отсутствие обзора замедляет передвижение по пересеченной

местности, к тому же в дождь толстые стебли становятся скользкими, как банановые шкурки. Самые сложные – ольховый/рябиновый и кедровый стланики. Тут все зависит от высоты кустов: если ниже пояса, то не очень страшно, если по грудь – уже плохо.

Маневрируем. Это тот самый случай, когда важно, сколько идти до озера – 100 метров или 300. Водоемы практически пусты. Зато с наземной растительностью тут все в порядке.

Сложными маневрами выходим обратно к побережью. Тут, наверху, в шеломайнике прячутся траншеи; видимо, то одна из первых линий японской обороны. Мы спускаемся обратно на пляж и маршируем до устья речки, впадающего в море на мысе Землепроходец. Здесь обедаем.

Возвращаемся тем же путем по пляжу, затем по дороге идем в сторону лагеря. Заходим посмотреть на озера в стороне от дороги. Неожиданная удача: в теплой воде вяло полощутся еще не встреченные нами виды – здесь и уруть, и два новых рдеста. Возле берега резвятся здоровенные гаммарусы.

Возвращаемся в лагерь. Снова набегают облака, знаменуя конец рабочего дня.

3 августа

Дождливое утро. Мы с Петровичем идем на плато, раскинувшееся между нашим лагерем и поселком. Около нашего лагеря дороги сплетаются в настоящий клубок – мы каким-то образом ухитряемся пройти самым коротким путем. Дорога, выбранная нами, сперва петляет по равнине, пересекает ручей, а затем полого взбирается на плато севернее русла реки, формирующей солидный каньон и срывающейся водопадом. Само плато абсолютно плоское и передвижение по нему не представляло бы проблем, когда бы не стланик. Впрочем, у нас под ногами хорошо наезженная дорога – видимо, жители поселка пользуются этим путем не менее часто, чем береговой грунтовкой.

Тут и там из стланика торчат циклопические бетонные сооружения – это японские самолетные ангары, наследие Второй Мировой, когда на плато располагался аэропорт Кавасиба. Постройки основательные: в метровой толщины бетонные стены вмазаны местные валуны. Прямоугольные внутри, сверху ангары закрыты полукруглыми сводами; с торцов расположены входы – большой для самолетов и маленький для обслуживания. По бокам от большого входа пристроены карманы для дверей.

Дорога приводит нас к большому озеру, условия в котором удивительно разнообразны: есть илистые участки, есть каменистые; один берег обрамлен кедровым стлаником и довольно крутой, другой же пологий и порос осокой. Кое-где на поверхность воды поднимаются сероводородные пузыри. Местами торчат обсиженные чайками скальные обломки. В озере целые клумбы цветущего водяного лютика, но больше фактически ничего нет. На прибрежном лугу Петрович находит остов небольшого самолета.

Обратно возвращаемся без приключений и примерно к часу дня оказываемся в лагере. Обедаем рыбным супом. На остаток дня запланировано ожидание яхты, которая должна отвезти нас на Онекотан. Мы будем дежурить в Квадратной по два часа. Первым идет сидеть Петрович, затем я. К моему приходу дождь, как по заказу, стихает. Подбросив в костер дров, сижу, сушу портянки и поглядываю на море вооруженным глазом – Петрович дал мне окуляр от телескопа с восьмикратным увеличением. Прямо через пролив раскинулся Шумшу, утыканный пустующими домиками и бараками. Среди них выделяется полосатый красно-белый маяк (в духе Туве Янссон) и створные знаки.

Плато с циклопическими бетонными сооружениями

Отлив. В море куча живности – летают чайки, бесшумные стаи бакланов. Метрах в 20 от берега вижу калана – он то плывет на брюхе, то поворачивается на спину и что-то лопает. За мысом Средний ревут антуры; похоже, там их лежбище.

После меня дежурит Чумичка, притащившая с собой из лагеря кучу дров, несмотря на обилие местных. Сдаю ей вахту и иду в лагерь. На стыке дежурств Чумички и Полины ужинаем, сворачиваемся и идем в Квадратную уже все вместе. Яхта входит в бухту как раз тогда, когда подходим мы. Капитан сходит на берег и предлагает отправиться утром, чтобы утром же приплыть на Онекотан (плавание занимает около суток). Уже в темноте ставим палатки под защитой прибрежных холмов.

4 августа

Встаем в 05:30. В 06:00 к берегу причаливает на лодке капитан и отвозит нас на борт. Садимся на палубе. Небо пасмурное, а от воды так и тянет холодом; впрочем, поскольку мы в химзах и болотниках, нас это не очень беспокоит. Яхта неторопливо – со скоростью бегущего человека – ползет по водной глади.

Вулкан Фусса

Палуба огорожена веревочными перилами. На корме руль, в рубку ведет лесенка, совмещенная со столешницей. Интерьер рубки представляет собой шедевр многофункциональности и компактного размещения. Внутри 8 спальных мест, столик, раковина с краном; в носовой части – гальюн и кладовка (с одной дверью на двоих). Мы сидим на палубе часа четыре, а потом я отправляюсь вздремнуть. Верхняя полка, подвешенная к стене на шарнирах, неожиданно уютная – забиваешься вглубь и дрыхнешь.

С погодой везет необыкновенно. К 17 часам, когда мы выходим на траверс вулкана Фусса, облачность рассасывается, и расхрабрившееся солнце заливает светом все вокруг. Прямо по нашему курсу в море видна одинокая гора – остров Анциферова. В море куча живности: аурелии, цианеи, какой-то планктон. Еще утром видели вдалеке горбатых китов, а на протяжении дня дважды сталкивались с морскими свиньями, подплывавшими совсем вплотную к яхте. В прозрачной воде хорошо видны их белые бока и белесые лопасти хвоста.

Морские свиньи на фоне острова Анциферова

Птицы тоже довольно разнообразны: помимо чаек, вблизи берега множество топорков, суетливо вертящих головой при виде яхты, а также глупышей – эти не могут просто взлететь с воды, им приходится вначале разбегаться; но, даже поднявшись в воздух, они летят очень низко.

К 18:30 воздух прогревается настолько, что впору загорать. Лениво сидим на палубе и поглядываем на возвышенности покинутого нами Парамушира.

Третий раз видим морских свиней. Пытаюсь снимать их на видео, но выходит так себе. У Петровича вроде лучше – попрошу потом.

Часть 3. Парящие горы

Как говорил гроссмейстер Тартаковер,
«Уж лучше план такой, чем никакого!».
Приятно, если план хорош, и ты рекорды выдаешь,
Не выходя при этом из алькова.
Но даже если планчик плох – ты все равно уже не лох,
Ведь лучше план такой, чем никакого!

Псой Короленко

5 августа

С утра туман. Яхта стоит на рейде Шестакова, около западного побережья острова Онекотан. Пытаемся подождать, пока он рассеется, но безуспешно. В итоге высаживаемся прямо так. С коробками в зубах вылезаем на черный вулканический песок Онекотана.

Рейд Шестакова и долина реки Фонтанка. Бочки – это почти все, что осталось от погранзаставы

Перебираем вещи, лежавшие в коробках. Часть берем с собой, остальное прячем в ржавой снаружи бочке-бытовке на берегу. Начинаем подниматься вдоль русла речки Фонтанка, впадающей в море напротив рейда Шестакова. Выходим на перпендикулярную береговой линии дорогу, которая поднимается на центральный хребет.

Выглядывает солнце. Мы выходим на перевал, отмеченный развалинами домика, рядом с которым течет ручеек. Цинично оторвав от развалин пару щепок, разжигаем костер. На обед у нас сегодня изысканнейшее блюдо – яичная лапша с фасолью. С западного берега уже наползает утренний туман, и все тонет в белой пелене.

Смотрим группу небольших озер, в которых, кроме плавающего рдеста, ничего нет. Дорога, вначале торная, отвернув от основной на восток, растворяется в покрове шикши и стланиковых пятен. Лавируем между ними, но избежать не получается – мы попадаем на полностью заросший ольхой хребет, формирующий южную стену каньона реки (злая шутка топографов?) Ольховая. Идти тяжело. Спускаемся в кулуар пересохшего ручья, по которому значительно проще идти – дно, сложенное лавовыми обломками, ничем не поросло. Однако такое счастье длится недолго: скоро мы оказываемся в заболоченной пойме Ольховой, а затем и в зарослях шеломайника (наверное, спуститься в пойму следовало гораздо раньше).

Вид с заросшего ольхой хребта на долину реки Ольховая

Тут и там на нашем пути вкраплениями встречается крапива, что лично меня вовсе не радует. Тащимся вслепую, не считая карты и GPS. Когда вконец осточертевает, шлепаем прямо по руслу. Последние сотни метров до устья Ольховой идем напрямик, сквозь шеломайник, а затем луг из леймуса.

Вот, наконец, и берег моря. Восточное побережье сильно отличается от западного. Здесь широкую литораль отгораживают от острова высокие и крутые обрывы, сложенные прессованным пеплом. С моря ползет туман и дует ветер, несущий водяную взвесь, накат – будь здоров. Мы на одном дыхании пробегаем по берегу около 3 км и встаем лагерем на приморской террасе, рядом с устьем какого-то ручья.

Ловлю себя на том, что мне начинает нравиться вести дневник.

6 августа

Утренний туман тает под лучами солнца, открывая нашим взорам тянущийся до горизонта песчаный пляж. По этому пляжу мы проходим около километра, затем сворачиваем в долину реки, впадающей в море южнее мыса Ягодный. Пытаемся подняться на хребет, в который переходит ее левый берег, но подъем становится слишком сложным: мокрый от росы шеломайник быстро сменяется ольховником в человеческий рост. Оставив попытки продраться сквозь эту чащу, мы сваливаемся обратно в русло реки и поднимаемся прямо по воде. К счастью, рельеф и глубина позволяют (этот август очень сухой) – необходимо лишь внимательно следить за скользкими камнями, на которые ставишь ноги.

Попетляв вместе с рекой порядка километра, выбираемся из русла и вновь пытаемся покорить хребет. Гипотетически проходящая по нему дорога может пробудить лишь ностальгическое сожаление, ибо представляет собой полосу ольхи в сплошном покрове кедрового стланика. Делать, однако, нечего – следующие два с половиной часа мы упорно просачиваемся в северо-западном направлении сквозь густые переплетения ветвей. Полина, замыкающая процессию, успевает спиливать цепочкой самые раздражающе торчащие стволы. Наконец выходим на открытую площадку; по словам Петровича, на последние 50 метров мы затратили 20 минут.

Мы упорно просачиваемся сквозь густые переплетения ветвей по гипотетической дороге

Рядом с площадкой обнаруживается вяло текущий ручеек, что позволяет нам здесь отобедать. После привала дорога становится более проходимой: все чаще встречаются участки засохшего стланика и просто каменистые прогалины. Здесь становится видно, что дорога маркирована торчащим местами из земли белым кабелем. По мере подъема доля стланика в покрытии все падает, сам он становится все ниже. Мы выходим в тундру.

Изредка отвлекаясь на растения, взбираемся выше. Теперь можно идти по гребню хребта, где полосы шикши и бриантуса перемежаются с голым щебнем. Идти становится легко, однако мы попадаем в облака, зацепившиеся за кромку нашего хребта. Так, в тумане, мы незаметно выбираемся на южную часть хребта Советский, являющегося, по сути, кромкой кальдеры вулкана Немо. Дорога выглядит наезженной – здесь, наверху, она зарастает очень медленно. Вокруг однообразными кочками раскинулась тундра. После непроходимых дебрей стланика такой простор кажется сказочным.

На наших глазах ветер уносит туман с Немо, и кальдера становится видна во всем великолепии. Это гигантская котловина с вулканом посередине, окруженная горами. Внизу, отгороженный краем скалистого уступа, раскинулся свой, обособленный от остального мир – озера, ручьи, пятна стланика, зеленые луговины. За отрогом вулкана скрыто озеро Черное, куда туристы изредка приплывают ловить эндемичного гольца.

Кальдера вулкана Немо во всем своем великолепии

Еще час-другой занимает спуск к одному из озерков по густо поросшему стлаником склону. Впрочем, виды на вулкан и возвышающуюся слева гору Платформа скрашивают путь. С Платформы, как пена из опрокинутого корыта, низвергается целый облачный фронт – настоящее море тумана.

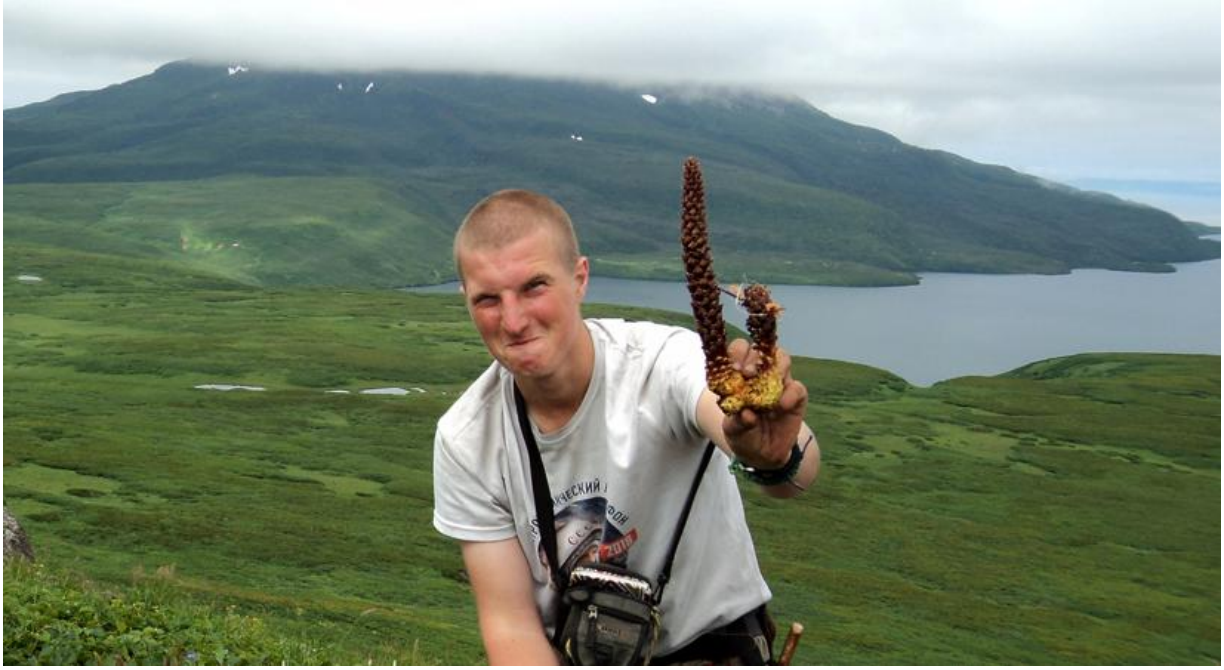
Придя к озеру, ставим около него лагерь. Водные процедуры осуществляем в две смены. Озеро оказывается мелким и теплым – все, как я люблю. Из лагеря открывается отличный вид на вулкан, вдобавок палатки стоят на сухом возвышении, на котором в изобилии встречаются мертвые кусты кедрового стланика. Мы обеспечены превосходными дровами.

7 августа

Пасмурно. Сегодня мы гуляем парами. Чумичка с Полиной отправились к западным отрогам вулкана. Они беспрепятственно прошли вдоль реки Озерная, в низовьях которой тусуется нерка, пообедали в устье реки с видом на остров Маканруши, и вернулись также без особых затруднений по остаткам старой дороги в верхней части долины. Подъем на г. Платформа из кальдеры не выглядит сложным.

Мы же с Петровичем пошли на восток. Чтобы избежать цепких объятий стланика, движемся распадками и долинами ручьев, попутно осматривая попадающиеся озерки. Минуем большое озеро, обросшее стлаником; по счастью, оно неглубокое, поэтому мы легко переходим его вброд. Попадаем в отличный распадок, по которому, не сворачивая, идем прямо около 20 минут. По левую руку от нас скрыто складками местности озеро Черное, по правую руку вверх уходят склоны Советского хребта, за которыми расположена бухта Паганель. Одна из побочных наших задач – найти старые бараки, отмеченные на карте.

Сквозь стланик взбираемся по склону на гребень. Залегший со стороны моря туман расступается. Все побережье предстает как на ладони. Однако никаких бараков не видно даже вооруженным глазом – лишь какие-то палки, возможно, бывшие их составными частями. Вдоль хребта поднимаются поросшие вересковыми останцы. Петрович находит стремное на вид растение с темным чешуйчатым стеблем – это бошнякия, специфический паразит одного из двух местных видов ольхи. Проводим фотосессию – Петрович делает страшное лицо. Приморский склон хребта тоже сильно зарос, поэтому решаем двигаться в сторону Черного. С высоты, как на топографической карте, хорошо различимы разные типы растительного покрова. С севера на юг светлой нитью на темном фоне протянулась старая дорога.



Петрович со страшным лицом и стремная на вид бошнякия на фоне озера Черное

Мы спускаемся в русло ручья, стекающего в Паганель. По этому ручью поднимаемся, пока не находим небольшую площадку для обеда. Подкрепившись, снова выходим на покинутый ранее водораздел; отсюда, кажется, до Черного рукой подать. Но не тут-то было! Нас встречает сплошная полоса стланика, грозящего превратить марш-бросок в акробатический этюд с элементами мазохизма. Само озеро видно превосходно: противоположный его берег тоже зарос и обрывается в воду отвесными скалами.

Отворачиваем от Черного и возвращаемся к утреннему распадку. Пытаясь добраться до еще одной группы озер, лавируем между зарослями стланика. В итоге удается посмотреть не все, но довольно много. Одно озеро особенно живописно: довольно обширное, мелкое у берегов, но резко углубляющееся к центру, с торчащими из воды угловатыми глыбами. Естественно, все берега труднопроходимы.

Особенно живописное озеро (естественно, с труднопроходимыми берегами)

Так, поглядывая на озера, выбираемся к лагерю. Теперь можно заниматься нашей вечерней рутиной.

8 августа

С утра туманно. Повторяем наш вчерашний путь до водораздела между бухтой Паганель и Черным. Идем с большими рюкзаками, чтобы перебазироваться севернее. Оставив вещи у группы небольших озер на водоразделе, мы с Полиной отправляемся на разведку вдоль виденной нами старой дороги, а Чумичка и Петрович идут в Паганель посмотреть адвентивную флору.

Путь нам преграждает бескрайнее, как сначала кажется, пространство кедрового стланика. Однако промыкавшись в нем какое-то время, мы набредаем на дорогу, идти по краю которой (между ольховыми и кедровыми кустами) существенно проще. Сильный туман, в котором растворяются контуры окружающих нас зарослей. Идем по компасу, чтобы не упереться в обрывистый восточный край плато. Начинаются достаточно регулярные травянистые проплешины, под углом пересекающие наш маршрут. Маневрируя в этом свободном пространстве, мы здорово облегчаем себе путь. Наконец, совершив финальный рывок, вываливаемся в безлесную долину ручья, впадающего в море в северной части бухты Паганель.

Обедаем. Русло ручья крутым уступом обрывается над распластавшимся снизу снежником. На севере показываются из тумана горы Верблюд и Асырминтар – северные вершины Советского хребта. Гребень Верблюда неравномерно истыкан останцами, отчего похож больше на хребет дракона.

Северный берег острова (гора Асырминтар показывается из тумана)

Пообедав, вновь пускаемся в путь. Дорога становится простой: стланик встречается только в декоративном виде компактных кустов. Наконец, долина, по которой мы шли, раздается в стороны, открывая взору обширную равнину, занятую кочкарником. После стланика идешь так, как будто к спине привязан воздушный шарик. Осматриваем серию озер, в том числе крупное озеро Червонное (его название Полина сперва прочла как Червиное). Заложив вираж, захвативший обрывистый северный край плато, спускаемся в Широкую падь, по которой возвращаемся в лагерь. Здесь, в пади, течет ручей, сухое русло которого по проходимости приближается к хорошо уложенной асфальтовой дороге. Стланик минуем легко, сразу выйдя на разведанную дорогу и пройдя по ней практически до лагеря. Удобно.

Истыканный останцами гребень Верблюда (стланик внизу встречается только в декоративном виде)

Вместе с темнотой приходит густой туман, скрывающий все вокруг и плотными каплями ложащийся на траву.

9 августа

Ночью было очень холодно, так что у меня чуть ноги не отмерзли. Видимо, надо утепляться. Утром тоже холодно – приходится надеть еще и тельняшку вдобавок к стандартному набору слоев.

Приготовленная с вечера кукурузная каша так захрясла, что Полина вынуждена раскладывать ее во все свободные емкости, чтобы промешать. Особенно впечатляет одинокий кусок, похожий на пайку масла; лежащий на крышке от кана, он проявляет яркую индивидуальность. Таков же, наверное, был и Колобок, пока не закончился.

Повторяем наш вчерашний маршрут (Широкая Падь)

Повторяем наш вчерашний путь мимо горы Верблюд в северную часть острова, но на этот раз держимся левее и, используя русла ручьев, выходим к группе озер. Увы, они практически пусты. Слово за слово, мы пересекаем всю равнину наискось и оказываемся в бухте Немо. Впадающий в нее ручей в устье сформировал глубокий каньон, обрывающийся отвесными базальтовыми скалами. Внутри этого ущелья с широким и плоским дном ручей привольно раскинул свои меандры. На южном обрыве каньона видно строение – это заброшенная метеостанция, внутри захламленная и загаженная, снаружи с побитыми стеклами. Для житья домик непригоден, тем более что расположен очень далеко от воды.

Глубокий каньон близ устья ручья, впадающего в бухту Немо

Спускаемся по тропе в бухту, чтобы пообедать. Сидим в буквальном смысле на дровах – такого изобилия не было даже на рейде Шестакова. Весь берег завален плавником – задача лишь в том,

чтобы протянуть руку, лениво выбирая приглянувшуюся палку. После обеда снова разделяемся: Полина и Чумичка, охваченные жаждой географических открытий, идут исследовать Черное, до которого отсюда рукой подать; мы же с Петровичем кружной дорогой (мимо гор Петра и Асырминтар) возвращаемся в лагерь. Временного задела как раз хватает, чтобы приготовить ужин.

Путь к озеру Черное из бухты Немо первый километр идет по дороге; у остатков землянок дорога отворачивает от моря, превращаясь в тропу. Наверное, это единственное место, где к озеру можно подойти без труда – там-то туристы и ловят гольца. Продвигаясь по заросшему травой (а не стлаником!) берегу озера на юг, очень быстро можно дойти до ручейка, стекающего с вулкана Немо. Складывается ощущение, что по его руслу можно легко забраться на вершину.

10 августа

С утра холодно и крупный туман, похожий скорее на дождь. Собираем лагерь, возвращаемся до подножья горы Пограничная и по долине на ее западном отроге выбираемся на хребет Советский, где нас дружескими объятиями встречает стланик. Пробившись сквозь первые ряды коварных растений, находим проплешину и дальше без особых усилий, маневрируя по открытым склонам, выворачиваем к дороге, по которой направляемся на юг, повторяя маршрут 6 августа.

Туман между тем становится все гуще. Чтобы пообедать, останавливаемся на гольце, находим снежник и топим снег в канчике; дровами нам служат сухие ивовые корешки, тут и там торчащие из каменистой почвы. Горят они очень жарко, а пламени почти не дают. Продолжаем движение по маршруту 6 августа. Примерно там, где тогда обедали, сваливаемся в кулуар ручья и по нему спускаемся в долину реки. Таким образом, самые страшные заросли мы обходим стороной. По реке спускаемся практически до устья и делаем паузу, чтобы осмотреть два озера по разные стороны русла. Изучаем, разделившись на пары. Озера необычные: они расположены на плоской крутой речной террасе и с трех сторон окружены почти тропическими по плотности зарослями ольхи, здесь дорастающей до вполне древесных размеров. Находим цветущую вахту, не отмеченную на острове.

Ручей, который помог нам миновать самые страшные заросли

Лагерь ставим там же, где и 5 августа. Нас ожидает заначка-сюрприз: банка фасоли, помеченная лисами. Впрочем, сей досадный факт никак не отразился на содержимом. Ужин изысканный: рис с тушенкой и фасолью, а приправа для рыбы. Под вечер становится практически ясно, сквозь редкие облака к нам промигиваются звезды.

11 августа

Утро без тумана, высокая облачность с просветом на востоке. Часов в 6 утра были сейсмические толчки, которые я, впрочем, не почувствовал. Грош цена таким толчкам! Как всегда во сне, я совершенно нечувствителен ко внешним раздражителям.

Наш план на сегодня – добраться до бухты Муссель, расположенной на восточном берегу Онекотана, и поставить там постоянный лагерь. Оттуда нас предположительно должны забрать, туда же нам обещали закинуть коробки с едой.

В течение первой части дня мы то вместе, то порознь осматриваем озера на террасах речушек, во множестве впадающих в море на восточном побережье. Порой мы заходим довольно далеко вглубь береговой линии. Там приморские кручи сменяются покатыми ольхово-шеломайниковыми склонами, а русло сильно петляет, образуя кое-где глубокие промоины. В паре озерков вновь находим вахту. После сытного обеда (на этот раз – рыбный суп) выходим на литораль и движемся на юг, еще пару раз отвлекаясь на недальние водоемы, один из которых оказывается фейковым. Пересекаем крупную реку Кедровка с сильным, но ламинарным течением.

Достигнув мыса Лисий, облезаем его по старой тропе, впрочем, заново протоптанной кем-то совсем недавно. На вершине мыса высится живописная башня – это старый маяк. Отсюда видно бухту Муссель, она кажется уже совсем рядом, но… Путь по литорали преграждает череда прижимов, оканчивающихся 70-метровым обрывом. Приходится идти в обход по долине реки Банная, где раньше располагалась погранзастава Онекотан, а затем лезть траверсом по склону горы по заросшей ольхой дороге. Но вот, наконец, и бухта. И наши коробки – они закреплены скотчем на памятном железном кресте. Впечатляющая смесь цинизма и находчивости!

Восточный берег Онекотана (бухта Блакистон, на горизонте – м. Лисий)

Из обнаруженных припасов устраиваем мини-отвал. Две пачки макарон, тушенка, кетчуп и майонез, халва, ирис и кисель – вот рецепт хорошего вечера.

В благостно сытом настроении выполняю вечерний протокол: сушу газеты, готовлю полуфабрикат (просто разогреть!) на завтрак, пишу дневник.

12 августа

С утра сильный туман. Оставив палатки и большую часть вещей в Мусселе, выходим обратно в Шестаково. Рюкзаки почти невесомы. Магистральная дорога, соединяющая Муссель и Шестаково, хоть и заросла, кажется вполне сносной после наших злоключений на пути в кальдеру Немо. Чем дальше мы продвигаемся к вулкану Креницына, тем отчетливее видна дорога; километра через три ольха сменяется травянистыми прогалинами и кедровым стлаником. Начинается долгий пологий подъем к кромке кальдеры; ради этого подъема туристы специально приезжают на один день на остров.

Обедаем где-то на половине подъема в укрытой от ветра ложбине, образованной пересохшим ручьем. Пообедав, поднимаемся на борт кальдеры. Воронка занята озером Кольцевое, глубоким и, по-видимому, бесперспективным в плане растений. Посреди озера возвышается остров в квадрате – конус вулкана Креницына. Судя по отчетам в интернете, наиболее продвинутые туристы забираются на вершину вулкана, переплыв озеро на лодке, а одни недавно залетели туда на вертолете! Зрелище совершенно циклопическое: огромная гора в центре огромного же озера, окруженного отвесными скальными стенами (см. фото на первой странице). На фоне такого вида не грех сделать общую фотографию!

Мы на фоне кальдеры вулкана Креницына:
Маша Иванова (Чумичка), Ваня Дадыкин, Полина Волкова, Никита Тихомиров (Петрович)

Далее дорога вдоль кромки кальдеры взбирается на хребет Заварицкого, с высшей точки которого (гора Крыжановского) видно и западное, и восточное побережья острова. Здесь дует сильный ветер – погода в Мусселе уже испортилась, и облачный фронт угрожающе движется в нашу сторону. На

западе видимость пока хорошая: под нами расстилается изолированная долина, многократно пересеченная оврагами, с двумя скоплениями мелких озер. До них проще всего добраться, спустившись с горы; впрочем, это задача уже не на сегодня.

Кальдера вулкана Крыжановского (изолированная пересеченная оврагами долина со множеством озер)

Дальше идем легко (дорога первоклассная) и, несмотря на внушительное расстояние, часа за два добираемся до Шестаково. Вечер уходит на то, чтобы обжиться в бочке, где мы прятали еду. Чумичка и Петрович подметают и разбирают наши припасы, а мы с Полиной обустраиваем кухню в близлежащем железном контейнере. Пищевые роскошества продолжаются: на сладкое у нас вафли. Полина хочет аннигилировать весь пищевой неформат до того, как мы уйдем.

Спать устраиваемся в натопленном домике – красота!

Вид на первоклассную дорогу и вулкан Креницына со склона горы Крыжановского

13 августа

Сильный туман на востоке, но наша долина от него более-менее свободна. Завтракаем манкой с джемом, что удивительно, учитывая Полинино презрение к манной крупе. Петрович и Чумичка остаются на огороде – смотреть флору в окрестностях базы, а мы с Полиной поднимаемся к разрушенному зимовью на перевале, повторяя тем самым маршрут 5 августа. Здесь, на седловине, туман очень плотный и местами переходит в дождь; дует порывистый ветер.

Начинаем восхождение на вершину горы Крыжановского; немного не дойдя до нее, спускаемся по западному склону хребта в защищенную от ветра долину, к озерам, примеченным накануне. Хребет сразу отсекает ветер, наступает странная тишина. Примерно до середины склона спускаемся вслепую, взяв азимут по компасу. Затем видимость внезапно и ненадолго улучшается, и мы, убедившись в правильности выбранного направления, без проблем достигаем болотистого дна долины. Здесь, внизу, свой мир – тихо и тепло; сложно поверить, что где-то неутомимый ветер несет миллионы капелек воды, так здорово оседающих на капюшоне химзы.

Осмотр озер не дает практически ничего нового. Есть вахта, уже найденная два дня назад, полушник, *Potamogeton* типа *natans* (позже мы выяснили, что это был *P. fryeri*), ежеголовник – короче, джентльменский набор водных растений. Почему же водные растения на острове так однообразны? Чумичка предложила весьма убедительное объяснение этого феномена (оно приведено ниже).

Полина наметанным взором выхватывает среди сфагнума два кустика *Drosera anglica*. Это уже интересно – вид не отмечен на острове. Такое ощущение, что эти две росянки свалились сюда с Марса, поскольку в ходе усердных поисков новых растений мы не обнаружили. В разочаровании переходим ко второй группе озер. О Боже! Здесь все в *D. anglica*: куда ни глянь, всюду краснеют ее куртинки. Листья длинные, со свисающими клейкими слизистыми шнурами. Просто шагу ступить некуда.

Наш домик-бочка (даже немного жаль оставлять такое уютное место)

Обедаем в одном из многочисленных речных оврагов. Дрова приходится добывать в стланике, на крутых склонах. Подкрепившись, без помех поднимаемся обратно на хребет и направляем стопы в лагерь. Сходим было с дороги посмотреть отмеченное на GPS озеро, но не находим. Видимо, «лэйкинг высокой точности» дал на этом месте сбой. За два часа доходим обратно в Шестаково.

На ужин чечевица с мякотью помидоров и вафли. Шикуем!

Сказание о водных травах острова Онекотан

Давным-давно водные растения жили только в окрестностях вулкана Креницына. В придорожных лужах ютились застенчивый болотник (*Callitriche palustris*), робкий рдест Берхтольда (*Potamogeton berchtoldii*) и вечно петушащийся водяной лютик (*Batrachium ashibetsuense*). Из-за слабостей своего характера и телосложения они вечно страдали от насмешек остальных обитателей. А надо сказать, что с каждым годом власть всё больше и больше переходила к ежеголовнику (*Sparganium hyperboreum*) и его приятелю рдесту Фрайера (*Potamogeton fryeri*). Кроме них на острове обитали полушник (*Isoetes asiatica*), вечно примазывающийся к двум друзьям, и хвостник (*Hippuris vulgaris*), только и искавший повода кого-нибудь отколотить. Естественно, подобное соседство не радовало водяного лютика, который только и умел распушить свои огромные нитевидные листья в разные стороны и разглагольствовать о своих достоинствах.

Тем временем ежеголовник вместе со рдестом Фрайера окончательно захватили власть среди водных растений. Самые габаритные из них остались на водораздельном хребте около главного вулкана. Они облюбовали небольшую лужу, назвали её генеральным штабом и принялись командовать. На собрании рдестов и ежеголовников (на которое, естественно, проник и полушник) утвердили распределение растений по острову. В каждую серию мочажин были отправлены офицеры – рдесты и ежеголовники помельче. Отныне они становились управляющими на местах и должны были распределять немощных по озёрам. Следить за порядком велели хвостникам, а приглядывать за всеми и доносить о непослушании приказали полушнику.

Однако подобная диктатура не устраивала водяного лютика. Как же так, он, водяной (а, между прочим, всем известно, что это властелин водоёмов), да ещё и лютик, и должен подчиняться какому-то наглому рдесту Фрайера с приспешниками. Рдест Берхтольда тоже был обижен – несмотря на родственные связи, его никто не стал слушать (конечно, из-за своей робости он жаловался только болотнику). Поэтому, прибыв в далёкую кальдеру вулкана Немо, тонкие товарищи сбежали от надсмотрщиков-хвостников в долину реки Озёрной, в которой встретили стайки нерки. Нерка моментально спелась с лютиком, и они часами хвастались друг перед другом своей родословной и знакомствами. Пользуясь таким прикрытием, болотник с рдестом беспрепятственно расположились в близлежащих лужах.

Долго ли коротко, но захотелось болотнику уединиться. Не мог он больше выносить балабольство соседей и жалобы рдеста. Да куда деться? Со всех сторон окружают войска хвостника, возглавляемые рдестом Фрайера и ежеголовником, да и полушник вечно просачивается куда не надо. Потихоньку-помаленьку вспомнил болотник, что не только в воде умеет расти, но и на суше тоже, и стал выбираться на берег. Не сразу это получилось: только из озера вылезешь, как сразу хвостник выскакивает – тут уж только дёру домой давай. Только и удалось болотнику, что «на пограничниках» вырваться из кальдеры и попасть на погранзаставу Шестакова. Притаился он там в небольшой канаве и принялся поджидать случая переместиться поближе к генералу-рдесту и ежеголовнику. Только всё никак не получалось прилипнуть к пограничникам, которые часто проходили мимо тех мест. Так и сидел он там в вечной засаде. С годами он окреп, всё готовился к нападению хвостников, плоды наращивал.

Наконец, болотник встретился со своими врагами в... настоящей тюрьме. Какие-то непохожие на пограничников люди выдрали его из канавы и посадили на газетный лист. А на соседний положили молоденького офицера-ежеголовника. В редкий момент, когда заключённым дали пошевелить

листьями и подышать, он отправил в главную лужу сообщение о новом местонахождении болотника (эти люди, особенно девочка, как будто назло несколько раз повторили секретный адрес, даже координаты дали). Ответ штаба очевиден: из близлежащих луж выдвинулись войска хвостников, возлавляемые обоими офицерами. Но, как известно, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и что будет потом, ещё не известно.

Побережье к югу от рейда Шестакова (вид с приморской террасы)

14 августа

С утра сильная облачность. Завтракаем пшенкой с изюмом. Чумичка и Петрович сегодня идут в горы. Мы с Полиной пошли берегом моря на юг, к удаленной группе озер. Начинается дождь, но ветра почти нет, и море такое гладкое, как будто замерзло. Отлив. Облезаем прижим у западного отрога хребта Заварицкого перед бухтой, которой открывается к морю давешняя долина. Наверху у самого обрыва видим развалины деревянной постройки. В пределах видимости еще пара таких – похоже, это были наблюдательные вышки.

Дальше до мыса Субботина идем по берегу без помех. Нас сопровождают любопытные ларги – их круглые головы торчат на поверхности воды. В какой-то момент я начинаю ощущать себя клоуном в моржином цирке. Каждая ларга считает своим долгом плюхнуться в воду и поглядеть, кого же это занесло на остров.

Этот участок пути занял около трех часов. На м. Субботина вновь натыкаемся на прижим. Приходится подняться на взгорье. Вдоль долины ручья следуем вглубь острова. У Полины отмечены три точки с озерами. Первая соответствует пересохшей луже. Идем дальше; стланик все гуще, вдобавок терраса изобилует глубокими канавами с отвесными стенками. Все это как следует замаскировано ольховыми кустами.

Буквально продираемся ко второй группе озер. К сожалению, ничего экстраординарного здесь не произрастает.

Начинается сильный дождь. Забиваемся в ольховый стланик, хорошо прикрывающий нас листовой мозаикой. Тут он относительно прямой и высокий – настоящий карликовый лес. Кипятим канчик.

Пока мы обедаем, дождь стихает. Пробиваемся к третьей группе озер, расположенных в долине пересохшего ручья. Опять ничего. По сухому руслу начинаем спускаться к морю. Галечные участки сменяются лавовыми толщами с причудливыми промоинами. Минуем два или три грота, пробитых потоком в скале. Изредка встречаются обрывы высотой в несколько метров.

Причудливые промоины в лавовых толщах

Так доходим до впадения сухого русла во вполне себе мокрый ручей Безымянный. Кажется, что по долине ручья можно без труда подняться на Кольцевой хребет. Но, может, это всего лишь иллюзия? Незадолго до слияния ручей образует красивый водопад, его видно от стрелки. Облака расходятся, и через плоскогорье становится виден вулкан Креницына во всем величии и легкой парандже орографических облаков. Примерно через 200 м после слияния притоков ручей обрывается 30-метровым водопадом. Приходится облезать.

Вид на вулкан Креницына с борта ручья Безымянный

Выбираемся на приморское взгорье. Прекрасный вид на вулкан и водопад, вокруг цветущий луг из лилий и герани. Спускаемся к морю чуть южнее устья Безымянного. Сильный отлив. Идем обратно

по литорали, светит яркое солнце. В приподнятом настроении добираемся до лагеря всего за два часа.

В лагере выясняются подробности маршрута второй группы. Проведя первые полдня в непродуктивных блужданиях по плоскогорью к северу от хребта Заварицкого, они после обеда в рекордные сроки забрались на семисотметровую гору Шестакова. Стланик, которым, казалось, покрыт весь южный склон, на деле оказался несерьёзным препятствием и не смог остановить жаждущего ботанических находок Петровича. Покорение вершины как раз пришлось на продолжительное прояснение неба, и вид открывшихся взору пространств и высокогорных элементов флоры привел альпинистов в эйфорическое состояние.

Пространства, которые открываются взору с покоренной в рекордные сроки горы Шестакова

Под вечер, как обычно, сгущается плотный туман. Петрович где-то оставил черную ложку, служившую нам половником, которую Полина привезла в прошлом году аж с острова Медный. Я ставлю в строй металлический половник, найденный при разборке кухонного контейнера. После кипячения с лимонной кислотой он сияет, как новый.

15 августа

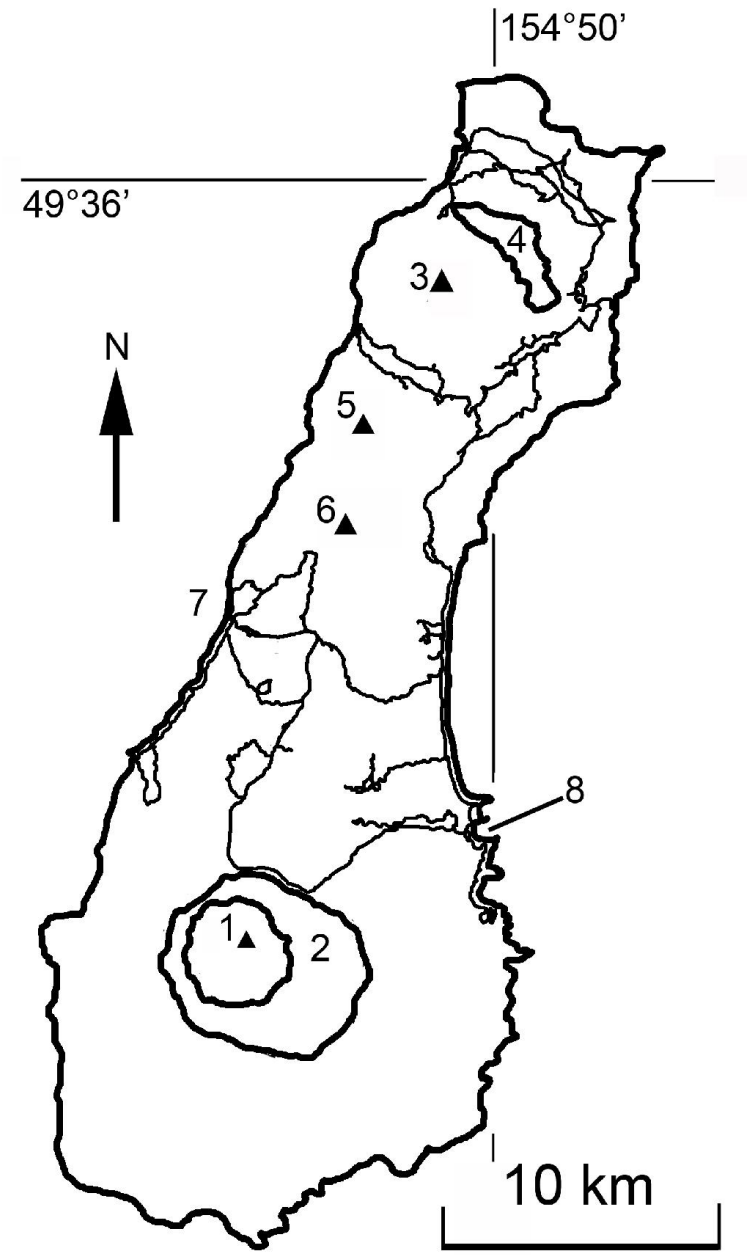
Сегодня мы должны перебраться из Шестаково обратно в Муссель. После завтрака разбираем еду из коробок, а часть оставляем в железном ящике для будущих посетителей. Даже немного жаль оставлять такое уютное место, как наш домик-бочка.

Приморский луг к югу от рейда Шестакова (на заднем плане вулкан Креницына)

Сильный туман, но ветра нет. Повторяем наш путь 12 августа, обедаем в седловине между хребтом Заварицкого и отрогом кальдеры Креницына. Дров немного, но выручает бревно, которое когда-то было вешкой на дороге. На обед Полина выставляет оригинальный лот: яичная лапша с борщевой заправкой и семечками подсолнечника. Несколько необычно, но, без сомнения, весьма питательно. После перекуса начинаем подъем к Кольцевому. Проясняется, становятся видны хребет Заварицкого и отроги горы Шестакова. К началу спуска от кальдеры уже вовсю жарит солнце. Пробираясь уже пройденными раз перелесками стланика, выходим на хорошо утоптанную тропу. Вероятнее всего, ее оставили какие-то туристы, поднимавшиеся к вулкану. Дело было совсем недавно: на одной утрамбованной множеством ног полянке находим даже свежий ломтик лимона.

Добираемся до бухты Муссель к семи часам вечера. Несмотря на шторм, бушевавший здесь 12 августа, наши палатки стоят, как влитые. На ужин рис с белым грибом, найденным Полиной при подъеме от Шестакова. С майонезом дар природы и сырой погоды составляет изысканный вкусовой букет.

Вечером ясно, снова видны звезды.



Наши маршруты на о. Онекотан

(схема подготовлена И. Дадыкиным)

1 – влк. Креницына;
2 – оз. Кольцевое;
3 – влк. Немо;
4 – оз. Черное;
5 – г. Платформа;
6 – г. Шестакова;
7 – рейд Шестакова;
8 – бухта Муссель.

Часть 4. Остров Сирен

А кто уплыл на Остров Сирен – тот домой не вернется,
И кто-то плачет, глядя на крест, а кто-то смеется.

Крематорий

16 августа

На завтрак сладкая перловка с изюмом. Зарядившись ею, мы с Петровичем выходим в сторону реки Кедровка; Полина и Чумичка идут по высохшей в верховьях реке Банная смотреть остатки погранзаставы.

Ясно. По мере нашего продвижения солнце жарит все крепче. В поднятых болотниках скоро становится некомфортно идти. Чуть разомлев от прекрасной погоды, выбираемся к маяку на мысу Лисий. Это мрачная бетонная двухъярусная башня с маленькой площадкой наверху. Чтобы добраться туда, приходится карабкаться по железной лесенке в последней стадии разложения. Однако прекрасные виды с лихвой искупают неприятный подъем: видно и мыс Ягодный, и нашу бухту Муссель.

Мрачная башня: маяк на мысе Лисий

Минуем по тропе прижим у м. Лисий, проходим около 1,5 км по литорали в сторону устья Кедровки.

Кедровка, оказывается, совсем не похожа ни на Ольховую, ни на Банную. Такие реки обычно бывают на Кавказе – широкое, но довольно мелкое русло с протяженными галечниками и отдельными глубокими рукавами. Поначалу идти легко, но выше по течению русло начинает заметно сжиматься и углубляться.

Путь по руслу занимает у нас чуть больше часа. В час пополудни обедаем, и хорошо делаем: метрах в 200 от нас река двумя 15-метровыми скачками низвергается с горы.

Обходя водопад, поднимаемся к озеркам сквозь ольховый стланик, здесь уже древовидный. До первой группы озер добираемся без проблем. Расположенные вне пояса криволесья, на травянистой террасе, озера похожи на дырки, пробитые хулиганом в однообразном травяном

покрове. Глубина небольшая, и дно прекрасно просматривается: в озерках целые орды стрекозиных личинок.

Похожая на кавказские речки Кедровка: широкое галечниковое русло и древовидные ольхи

Дальнейший путь оборачивается силовой тренировкой с отдельным упором на гибкость. Снова ломимся сквозь стланик, порой пересекая глубокие овраги. В итоге достигаем двух маленьких, круглых, как колодцы, озерков, в которых ничего нет. Зато по дороге Петрович обращает внимание на белые цветочки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся не отмеченной на Онекотане перакарпой.

Возвращаемся в лагерь к 7 часам вечера. На ужин мамалыга, к которой Полина разбодяжила сухую аджику. Чумичка, попробовав, плюется, а нам с Петровичем ничего – едим ложками. Полина зовет нас огнеедами.

17 августа

Сегодня начинается неделя, заложенная на ожидание яхты. По словам Полины, морской транспорт – очень ненадежная штука и редко приходит вовремя; кроме того, у мореходов свои понятия о том, когда можно выходить в море, а когда нельзя. Поэтому с сегодняшнего дня мы будем *ожидать*.

Ожидание в общих чертах сводится к переносу подъема на 40 минут позднее и включении рации утром и вечером на морском канале. Кроме того, как я понял, теперь мы не уходим из лагеря на целый день.

На завтрак каша из остатков кукурузной крупы, пшенки и манки. Над морем стелется плотный туман. Полина остается в лагере, а мы втроем выходим в сторону мыса Ракуший, где должно располагаться интересующее нас озерко.

Миновав бухту Муссель по литорали, облезаем прижим на одноименном мысе и дальше идем по террасам, изредка пересеченным узкими оврагами. Стланика на пути немного, в основном шеломайник и высокотравье. Так доходим до м. Нигори и спускаемся в бухту с тем же названием; впрочем, уже метров через 200 приходится облезать очередной непропуск. Стланик густеет и вынуждает к маневрам.

Снова спускаемся на литораль и по берегу двух бухт проходим в общей сложности полкилометра. Между бухтами отвесный утес, который, впрочем, удается обойти снизу по отливу.

Вид на бухту Муссель с мыса Лисьего

Новый подъем приводит нас в матерую кедровую чащу, практически уже бор. Агонизируем около 300 м в сторону Ракушьего, но стланик выносливее нас, к тому же на его стороне численное превосходство.

По-видимому, к южной оконечности острова можно с наименьшими потерями пройти от Кольцевого хребта, если обходить кальдеру от того места, где к ней подходит дорога, против часовой стрелки. Добравшись до г. Сомма, можно было бы устремиться на юг по хребту через горы Туман и Бажова, по Медному хребту спустившись в устье ручья Песчаный. А там уж и до м. Креницына рукой подать. По крайней мере, так это представляется в теории. Чтобы проверить эти выкладки на практике, нам понадобилась бы еще неделя.

Возвращаемся немного и обедаем у сфагнового ручейка. Костер выходит настолько мощным, что воспламеняет кедровый куст, содержавший костровую палку. В этот раз у нас по два доширака на рыло плюс набранные по Чумичкиной инициативе кедровые шишки. Я оценил: после термической обработки терпкий вкус и смола практически пропадают, и получается хорошо. Махнув рукой на неприступный мыс Ракуший, поворачиваем оглобли в сторону лагеря. От бухты Нигори до лагеря доходим за 1,5 часа.

На ужин чечевица с семечками вместо мяса (наши запасы тушенки подходят к концу). Я продолжаю глушить вкусовые рецепторы божественной аджикой.

К ночи туман выветривается весь, облачность высокая с разрывами.

18 августа

С самого утра и весь день непрекращающийся дождь. На море настоящий шторм – накат поистине океанского масштаба. После обеда сухие до того русла на наших глазах вмиг заполняются водой и превращаются в бушующие мутные потоки. Вероятно, так небесная канцелярия отреагировала на Полинины упреки в адрес солоноватого чая. Может быть, рыба зайдет к нам в ручей? Тогда наша стоянка приобрела бы статус all inclusive.

В 16, оставив Полину на хозяйстве, идем к старой погранзаставе. Здесь чувствуешь себя в настоящей Зоне Стругацких: всюду ржавые бочки из-под горючего, разбросанные каски, противогазы, стреляные орудийные гильзы. В здоровых бараках-бочках наводящее тоску запустение. Сквозь остатки трансформаторных будок пророс шеломайник. Испытываю странное чувство, напоминающее ностальгию: вот, здесь жили люди – а где они теперь и что стало с их делом? Все заросло, все покрылось патиной времени.

Возвращаемся в лагерь к 19:30. Полина уже сварила из горбуши уху, и в дополнение к ней рис. На сладкое очередная диковина – ирис с кунжутом.

Под вечер погода совсем портится. Забившись под тентик, сушим горы газет: они делятся на мокрые и очень мокрые. Ранки и порезы на руках от избытка воды раздулись и превратились в жуткого вида язвы, которые не скрашивает даже детский крем. Я ощущаю себя пациентом бродячего лепрозория.

Когда мы ложимся спать, все так же шумит накат.

19 августа

Погода все та же – дождь и туман.

Часов в 16, опять оставив Полину в лагере, идем прогуляться на мыс Муссель. Прогулка довольно приятная. Чумичка в возмущении: гидроид *Dynamena* в умерщвленном виде похож на засохшую *Cassiope*. Пытаюсь втолковать, что у природы в загашнике есть и не такие казусы.

Сам мыс Муссель представляет из себя застывший лавовый язык – неокатанный, колючий. Подбираю кусочек лавы на память. И, конечно же, красивые фото мыса.

Колючий лавовый язык – мыс Муссель

Примерно в 18 часов возвращаемся. Мои часы совсем сбились с ходу, несмотря на водорезистентность. Надо будет поменять им батарейку. От яхты пока ни слуху ни духу, что, конечно, неудивительно, учитывая, что погода осталась прежней.

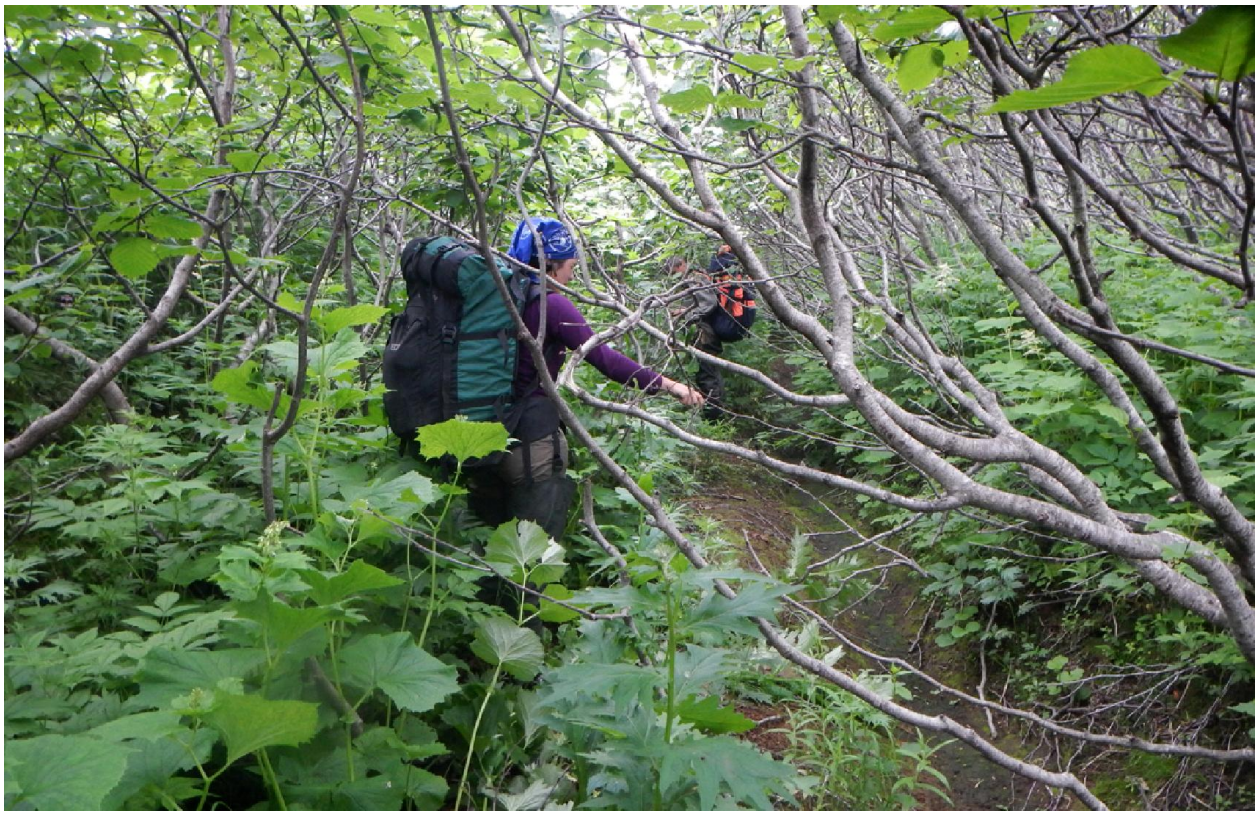
Погода снова портится, налетает сильный ветер, так пригибая тент, что он пузырится от кострового жара. Мы с Петровичем, как бедные грешники, сидим в персональном огненно-дымовом аду. Дождь пролетает тент повдоль. Глаза слезятся жутко.

Ручей снова обмелел. Хороший признак: значит, в горах осадки прекратились.

20 августа

Ночью очень сильный ветер: палатки содрогаются, тент стремится улететь.

Сильные порывы и утром, но море на удивление спокойно. Петрович остается присматривать за лагерем, а мы идем гулять по дороге к Кольцевому. Доходим до снежников, расположенных примерно на высоте, где мы обедали 12 августа. К часу дня возвращаемся в лагерь и обедаем роллтонами. Меня до сих пор не покинули последствия дымной интоксикации: глаза совсем заплыли, настроение подавленное. Петрович бодр, несмотря ни на что.



Заросшая ольхой дорога из бухты Муссель в кальдеру вулкана Креницына

На ужин теперь два блюда: вегетарианский суп из чечевицы и рыба с белым соусом – объедение! Потом сушим газеты и портянки, лузгаем набранные утром кедровые шишки. Ветер и морось. В море на траверзе бухты маячат огни рыболовецких судов.

21 августа

С утра переменная облачность, безветренно. Завтракаем нашей последней пшенкой – теперь остались только рис и гречка (и пачка чечевицы). В порядке утренней разминки прикатываем пяток бочек и устраиваем ветровую стенку у костра. Теперь наша стоянка становится похожа на логово бомжей.

Погода выправилась окончательно – теперь ничто не напоминает о том, что мы на суровых Северных Курилах. Ласково журчит и искрится перекатами речка Банная. Над верхушками невысоких приморских гор виднеется пик вулкана Креницына.

После обеда Полина идет реализовывать свою иде-фикс – прокладывать тропу к кальдере Тао-Русыр. Чумичка с нею. К 6 часам вечера метров 500 дороги до спуска к Банному уже готовы. Я возвращаюсь готовить, остальные продолжают гнуть ольху.

Ужинаем в 7 вечера, сушим газеты. Ночь тиха, небо ясно. От яхты ни слуху ни духу.

22 августа

Облаков чуть больше, чем вчера, но погода все равно отличная.

К вечеру дорога проложена уже километра на полтора. Готовлю рис к рыбе, которую Полина пыталась запекать в канчике в горячей золе, но желаемого результата не добилась. Все равно вкусно, как ни крути.

Химза не видит света уже второй день. Боюсь, скоро такая благодать нас покинет.

23 августа

Погода действительно переменилась – утром нас встречает обычная противная морось. Вновь идем на Банную. Вода в реке за ночь скакнула вверх, а атмосферные условия не дают расслабиться.

Возвращаемся в лагерь уже под какой-то муссон. Чумичка и Полина ютятся под тентом – утро у них сегодня без лесозаготовок. Когда уже совсем было собираемся обедать, Чумичка замечает стоящую в бухте яхту (!). За нами приехали.

Лихорадочно бежим собирать вещи, но все-таки прерываемся, чтобы пообедать. Вместе с нами обедает спустившийся на берег капитан, принесший водку, черный хлеб, сало и маринованные огурчики.

Пообедав, собираемся уже в более спокойном темпе. Грузимся все под тем же проливным дождем. Реки снова потекли, так что переходить их приходится в самом устье.

Судно пришло за нами с опозданием, потому что пережидало в Курильске циклон. Во время его странствий вышел из строя авторулевой. Теперь все мужское население судна (женщин моряки за людей не считают) вынуждено отстаивать вахту за штурвалом, поддерживая курс.

Несмотря на сомнительную погоду, вечер проводим на палубе – в каюте начинает укачивать. Чумичка сидит бледная, как персонаж готического фильма, и то и дело порывисто бросается к борту, амплитудой движений заставляя помощника капитана нервничать. Петрович за штурвалом смотрится морским волком – лицо героически-напряженное. Полина сидит со своей обычной невозмутимой полуулыбочкой.

Моя первая вахта с 20 до 22 – с непривычки я так сильно выворачиваю руль, что яхта крутится. Пережив первый панический приступ, начинаю осознавать, кто я и что тут делаю. Небольшая беспорядочная волна, не дает расслабиться – кидает яхту то в одну, то в другую сторону, заставляет ее нырять носом и взбрыкивать. Постепенно обвыкаю и нахожу в однообразии действий некоторое успокоение. Хотя утопить яхту со всей компанией, конечно, все равно не хочется. Зыбь обдает палубу брызгами – ее как-то можно компенсировать движениями руля, но я пока не научился.

После вахты залегаю спать. Подташнивает, но в конце концов удается задремать.

24 августа

Меня будит Петрович – наступает моя вторая вахта, с 4 до 6 утра.

Зыбь улеглась, на море тихо. В небе проступили звезды. На вахте нововведение – стоит навигатор, позволяющий отслеживать наш курс. Теперь, когда волны нет, вести яхту – одно удовольствие.

Рассвет встречаю без приключений. Парамушир на западе похож на темное облако; понять, что это остров, можно лишь по конусу Эбеко. В 7 утра завтракаем залитой кипятком овсянкой и где-то через час прибываем в Северо-Курильск.

На остров накатывается туча, и мы отчаливаем. Плотно обедаем. Моя вахта с 16 до 18, погода люкс: практически полный штиль, легкая зыбь. Я веду яхту мимо Шумшу. По дороге мы встречаемся с идущим к Парамуширу «Гипанисом».

К концу моего дежурства на горизонте проявляется мыс Лопатка. Полина как раз сварганила гречку, которую мы с аппетитом уминаем. Ну что ж, поели – теперь можно и поспать. Следуя этому мудрому правилу, завожу глаза часика на три. В 21:30 просыпаюсь, вылезаю к вечеряющим на палубе. Капитан травит Полине одну байку за другой – у него большой и своеобразный жизненный опыт.

По одну сторону от нас Камчатка, по другую – яркая монетка луны, кидающая отсветы в воду. Похоже, моя вторая вахта (с 12 до 2 ночи) тоже будет люксовой.

25 августа

Без приключений отстаиваю ночную вахту. Море спокойное, а луна, несмотря на свое сияние, ухитряется не затмевать звезды. Очень здорово дежурить ночью, когда погода хорошая. Плывешь себе сквозь черный простор, на горизонте огоньки рыболовецких судов, а из компаса одобряюще подмигивает желтая лампочка подсветки.

Поспав после своей вахты, вновь встаю у руля в 8 часов. Примерно в 9 выползают на свет божий члены нашей небольшой компашки. За бортом проплывают изрезанные обрывами горы Камчатки. Сегодня необычно тепло – сидеть на палубе можно в одной футболке. На обед капитан угощает нас прекрасной яичницей.

Плывем дальше. Капитан достает гитару и начинает на ней наигрывать. Играет он здорово, с легкостью варьируя основную тему – настоящий виртуоз. Но гитара не занимает все его внимание – он ухитряется еще прихлебывать смешанный помощником коктейль.

До Петропавловска остается всего ничего, когда мы узнаем, что рейд закрыт до часа ночи из-за военных учений. Мы отходим к островку Старичков и встаем на якорь. Капитан принимается ловить морских окуней (по забавному совпадению называемых тут «капитанами») на спиннинг. Помощник их ловко разделывает, пока мы занимаемся картошкой. Похоже, намечается сабантуй.

Капитан – отъявленный кулинар: каких только приспособлений нет на его небольшой кухне!. Приготовление еды для него – явно ритуал. Рыбу он пожарил отменно: мы наедаемся практически до отвала, и сготовленная Полиной гречка остается на завтрак.

Наслаждаемся тихой погодой и прекрасным видом на остров, птичьи базары на кекурах и Вилючинскую сопку. Немного поем под гитару.

Прекрасный вид на Вилючинскую сопку

У входа в бухту скапливается множество судов, в том числе и «Гипанис». На морском канале непрерывно переговариваются военные.

Вечер проводим в чтении. Ночевать будем на яхте.

Часть 4. По дороге с облаками

А тем, кто другие дороги не променял на диван,
Снова залают собаки – и дальше пойдет караван.

Пикник

26 августа

Входим в бухту Бабия Петропавловска в 4 утра. В 7 утра мы встаем; оказывается, нам удалось проскочить в единственный интервал, когда в бухту пускали – теперь порт совсем перекрыт, в море разворачивается военный флот, устанавливают какие-то мишени. Следующим пассажирам яхты придется посидеть несколько дней в бухте. В общем, плыви мы на «Гипанисе», мы бы, наверное, не добрались бы до самолета.

Но, поскольку мы не на «Гипанисе», у нас есть еще четыре дня, которые можно хорошо провести. Для начала мы, не теряя времени, садимся в автобус и едем в аэропорт; Чумичка и Полина покидают нас, чтобы докупить еды. Петрович идет сдавать балласт в камеру хранения, я сторожу рюкзаки у входа в здание аэропорта. Потом берем такси и едем в Пиначево, ко входу в национальный парк Налычево. Это совсем рядом с Авачинским вулканом, на котором мы были месяц назад.

Кордон на входе минуем, против ожидания, без проблем. Дежурный дядька, похоже, давно постиг дзен: говорит тихо, вид имеет отстраненный и пускает нас бесплатно, напутствуя добрым словом. Тропа великолепная. Идем сквозь подсвеченный солнцем березняк – местные березы почти не пятнистые, с очень тонкой, зато обильной берестой. Полина говорит, что береза здесь – основная лесообразующая порода (вместе с лиственницей, занимающей центральную часть полуострова). Повсюду полно грибов: сыроежки, грузди, опята. Белых, к сожалению, не видно.

Подсвеченный солнцем березняк

Одним махом пробегаем 11 километров до первого навеса, под которым и обедаем. Через встречающиеся по дороге ручейки перекинуты какие-то мостики, бревна, доски. Дорога, шедшая

сперва по гребню, спускается в долину реки Левая Налычева, а затем выбирается обратно на правый берег.

Река Налычева

После привала проходим еще несколько километров до Семеновского кордона. Пасущийся неподалеку от тропы огромный медведь, заметив нас, убегает. Кордон из двух домиков, один для туристов, другой – для инспекторов. Туристический открыт нараспашку, что приводит Полину в ярость.

Окрестности Семеновского приюта

По информации от туристов-первопроходцев Парамушира, через 4 км в сторону перевала есть еще один домик (приют Первальный). Немного не дойдя до него, попадаем под дождь – приходится облачиться в резиновые доспехи. Домик с виду неказистый, но внутри сухой и вместительный: двухэтажные нары могут приютить порядка 12 человек.

Дрова вокруг домика выбраны подчистую. Чтобы запастись горючим материалом, приходится пройти метров 300 – но зато уж там поваленных берез сколько угодно. Мы напиливаем хороших бревен и палим под навесом костерок. Дождя уже нет, поэтому мошка заметно приободрилась.

27 августа

Подъем сегодня в 6:30. Облачно, тумана нет. Завтракаем смесью гречки и риса – на самом деле, неплохое сочетание. Вчера, когда Полина потребовала гречку, в многочисленные пакетики затесался мизерный остаток риса, что и послужило поводом для приготовления необычной каши.

Поднимаемся по долине к перевалу Пиначевский. Подъем относительно пологий, тропа идет вдоль реки к ее истоку (снежникам).

Истоки реки Пиначевская

После перевала круто спускаемся по другой стороне хребта в долину реки Горячая. Здесь тропа большей частью проходит по шеломайнику, лишь изредка выбираясь в березняк. Много топких мест, раскисших после вчерашнего дождя. Изредка попадаются встречные группы туристов, растянувшиеся на сотни метров.

Наконец шеломайник сменяется березняком окончательно. Примерно за два километра до кордона Центральный мы останавливаемся пообедать. На обед приходится погодное окно; когда мы приходим к кордону, уже снова начинает накрапывать. Путь от Пиначевского до Центрального составляет порядка 40 км, из них 12 – после перевала Пиначевский.

Вид с перевала Пиначевский на долину реки Горячая

Кордон Центральный расположен в долине р. Горячая, на обширной вересковой пролысине. Все вокруг густо поросло голубикой; правда, ягоды еще не доспели. Кордон представляет из себя россыпь деревянных строений различной конфигурации. Проживание в домиках в целом платное, как и дрова. Мы останавливаемся в неброской «Пирамидке №3», а дрова Полине удается выцыганить у инспектора за так.

Парк Налычево известен (помимо вулканов) прежде всего своими гидротермами. Оставив рюкзаки, налегке идем к обозначенным в 7 км от кордона Краеведческим горячим источникам. Ближайшие к нам термальные выходы оставляем на потом. Погода не благоприятствует легкой прогулке – льет как из ведра. Пересекаем два ручья по навесным мостикам. Наконец добираемся до точки, обозначенной на карте. Источники не представляют из себя ничего впечатляющего: посреди травертиновой пролысины, окаймленной высохшими деревьями, из земли вытекает теплая водичка.

Возвращаемся обратно. Чумичка и Полина идут купаться первыми, но до цивильной наиболее удаленной от кордона купальни не доходят – там медведи. Поэтому им приходится отмокать в какой-то лужице. Наше с Петровичем омовение более успешно: мы идем в ближайшую купальню и минут 20 нежимся в теплой, почти горячей ванне с каменисто-песчаным дном. Очень приятно, что воздух над ванной тоже теплый: вылезаешь и не мерзнешь.

Ужинаем рисом с грибами. Полина прочно взяла готовку в свои руки.

28 августа

Подъем в 6:30. С утра дождь. Оставив рюкзаки под навесом, идем смотреть на расположенный в пределах кордона травертиновый котел, попутно оставив инспектору ключ от домика. Котел (он же грифон Иванова – см. фото на первой странице) представляет из себя скважину диаметром около 2 метров. Как следует из информационного щита, он и образовался при прорыве артезианской скважины. Вода в грифоне с пузырьками и очень горячая; отсюда берет начало пускающий клубы пара Травертиновый ручей, стекающий в реку Горячая.

От грифона мы с Петровичем выходим к Аагским нарзанам (они же Чистинские), а Полина с Чумичкой сразу идут обратно к Пиначевскому перевалу.

К Аагским нарзанам ведет хорошая тропа, проходящая в основном по долинам речек и ручьев, то есть по шеломайнику. По прямой до источников пишут 7 км, на деле оказывается около 11. Родник прикрыт сверху домиком, и в люк в полу можно сунуть руку с чашкой, чтобы черпнуть себе газировки. Вкус у воды приятный, с карбонатной кислинкой. Набираем бутылочку.

На обратном пути попадаем под ливень. Чтобы обеспечить нас сухой растопкой на обед, Петрович километра полтора тащит большой березовый расщеп. Завернув за рюкзаками, бессовестно оставленными на резном крылечке визит-центра, выдвигаемся в сторону перевала. Обедаем на вчерашнем месте; несмотря на дождь, разделанный расщеп ярко полыхает.

Травертиновый ручей вытекает из грифона Иванова

В 14:30 заканчиваем обедать, до перевала остается 9 км. Без приключений отматываем вчерашний маршрут в обратную сторону. Воды в ручьях заметно прибавилось, а в низинах почва совсем раскисла, превратившись в мерзкого вида жижу. Тем не менее, в 6 часов вечера мы уже форсируем перевал, преследуемые передним краем дождевого фронта. В долине Налычевой нас встречает стая куропаток. Несколько раз видим активизировавшихся под вечер евражек.

К 7 часам вечера мы добираемся до приюта. Кроме Полины и Чумички, у навеса тусуется еще человек 10. Это туристическая группа, остановившаяся на привал. Выглядят они очень стильно: красные чехлы на рюкзаки, модные куртки… но вот столь необходимыми здесь сапогами они разжиться не удосужились. Оттого и вид у них самый несчастный.

Минут через 10 после нашего появления туристы наконец-то сваливают, и мы ужинаем. Потом готовим добавку к ужину из избытков гречки, да еще часть добавки остается на завтрак в резервной банке.

С приходом темноты дождь стихает. На свет фонарика начинают слетаться бабочки и ручейники.

Завтра нам предстоит последний рывок до Пиначевского кордона. Послезавтра самолет.

29 августа

Подъем в 7 утра. Пасмурно, но дождя нет. Покидаем наш уютный домик и через час добираемся до Семеновского кордона. Там колбасятся вчерашние туристы. Пройдя кордон, останавливаемся поесть голубики – здесь ее не очень много, но зато она спелая и не водянистая.

Еще через час оказываемся у навеса, где обедали позавчера. Погода улучшается: сквозь облака уже просвечивает солнце. По мере продвижения к Пиначево оно последовательно начинает пригревать, жарить, а затем и вовсе печь.

Обедаем на костровом месте у р. Налычева, в том месте, где ее пересекает тропа. Под конец нашего привала нас догоняют уже до боли знакомые туристы. Мы спешим оставить их и быстро идем сквозь залитый светом березняк – за нашими плечами громоздится грозная туча. К 15:30 добираемся до Пиначевского кордона. Оставляем старичку-лесовичку рис и фальшфейеры, забираем наши палатки.

Выбраться отсюда можно только на такси, поэтому вызываем «летучих обезьян», как метко выразилась Полина. Что ж, кого вызывали – того и получили: водитель похож на здоровенную кривоногую гориллу, к тому же отчаянно колотит понты. Обстановка в машине довольно напряженная.

Добираемся до аэропорта и забираем коробки из камеры хранения. На автобусе доезжаем до Аллеи флота. Чумичка бежит закупаться у камчатских производителей, Полина с Петровичем идут в порт к кладовке, я – в филиал ТИГа, забирать наши вещи. ТИГ уже законопачен – придется еще раз сходить туда завтра.

Начинается ливень. Мы кипятим чай. Нарезаем кижуча с хлебом, на закуску у нас печень трески и минтая. Мы эвакуируемся в любезно предоставленную для ночлега кладовку и доедаем наши лакомства там. На улицу уже совсем не хочется – дождь и темно. Чумичка и Петрович, как настоящие бомжи, устилают пол газетами. Теперь в кладовке можно ночевать.

30 августа

Каморка оказывается достаточно уютной, хотя свободного места между баллонами и ящиками даже мне едва хватает, чтобы вытянуть ноги. Просыпаемся в 7:30, завтракаем вчерашними остатками и просроченной сгущенкой, взятой с полки.

Собрав рюкзаки, идем в ТИГ за своим добром. Слава Богу, на этот раз все открыто. К 10 часам мы оказываемся у дверей камчатских производителей – закупаем сувениры в Москву. Я беру печень в консервах, икру минтая, салаты из ламинарии. Интереса для покупаю соленый папоротник – узнать, как он на вкус.

Мы с Чумичкой успеваем заскочить в расположенную над производителями Краевую художественную галерею. Постоянной экспозиции там нет, в двух небольших залах сейчас выставка «Северная песня» (живопись, графика, литография) и фотовыставка.

«Северная песня» – это собрание творений местных художников на местные же сюжеты. Привыкшего к европейским и среднерусским цветовым сочетаниям колорит вначале шокирует: на полотнах соседствуют ярко-охристый и отчетливо фиолетовый, которым выполнены тени. Энергичный мазок, присущий большинству самородков, наполняет картины движением. Мне, однако, больше всего понравилась темперная живопись (по исполнению больше похожая на акварель) Вячеслава Белых. Скупые и легкие мазки, легкая неоконченность, отсутствие лишних деталей – в результате перед вами потрясающие по глубине пейзажи.

Фотовыставка состоит из нескольких концептуальных групп: Петропавловск в одуванчиках и пейзажи – посредственные по задумке и исполнению серии; а вот фотографии натюрмортов, напротив, смотрятся очень здорово. Выстроенные с большим искусством переливы тонов, взаимное отражение предметов друг в друге, складки полупрозрачных драпировок, соседствующие объекты с разной фактурой, смелые, оригинальные или просто приятные сочетания цветов – все это доставляет понимающему зрителю особый вид рафинированного эстетического наслаждения. Наконец, еще одна небольшая серия фотографий, представляющих из себя отражения картин жизни в лужах или во льду, также очень мне понравилась.

Мы здорово ограничены во времени: на осмотр выставки у нас всего полчаса. В 11 часов выезжаем на автобусе в аэропорт, в 12:30 обедаем у аэропорта в скверике. Наш рейс в 15:30; аэропорт буквально забит людьми.

Погода отличная, за взлетным полем возвышаются Корякская, Авачинская сопки и Ааг. Накануне еще темные, сейчас эти вершины побелели от выпавшего снега. Вовремя мы проскочили Пиначевский перевал – как видно, и он в снегу. В рабочем порядке садимся в самолет и делаем Камчатке ручкой.

Благодаря разнице во времени прибываем в Москву плюс – минус в то же время когда вылетели. Еще полдня впереди!